



Генеральная Ассамблея

Distr.: General
14 December 2020
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Рабочая группа по произвольным задержаниям

Мнения, принятые Рабочей группой по произвольным задержаниям на ее восемьдесят восьмой сессии, 24–28 августа 2020 года

Мнение № 43/2020 относительно Серикжана Билаша (Казахстан)* ** ***

1. Рабочая группа по произвольным задержаниям была учреждена в соответствии с резолюцией 1991/42 Комиссии по правам человека. Комиссия продлила и уточнила мандат Рабочей группы в своей резолюции 1997/50. Во исполнение резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи и решения 1/102 Совета по правам человека Совет взял на себя ответственность за осуществление мандата Комиссии. В последний раз Совет продлил на трехлетний срок мандат Рабочей группы в своей резолюции 42/22.

2. В соответствии со своими методами работы (A/HRC/36/38), Рабочая группа 19 декабря 2019 года препроводила правительству Казахстана сообщение относительно Серикжана Билаша. Правительство ответило на это сообщение 17 марта 2020 года. Государство является участником Международного пакта о гражданских и политических правах.

3. Рабочая группа считает лишение свободы произвольным в следующих случаях:

а) когда сослаться на какие бы то ни было правовые основания для лишения свободы явно невозможно (например, когда лицо продолжает содержаться под стражей сверх назначенного ему по приговору срока наказания или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии) (категория I);

б) когда лишение свободы является следствием осуществления прав или свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека и — в отношении государств-участников — статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (категория II);

в) когда полное или частичное несоблюдение международных норм относительно права на справедливое судебное разбирательство, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и применимых международно-правовых документах, принятых соответствующими государствами, является настолько серьезным, что это придает лишению свободы произвольный характер (категория III);

* Сён-Фил Хонг не принимал участия в обсуждении данного дела.

** Индивидуальное мнение члена Рабочей группы Элины Штайнерте (частично несогласное) приведено в приложении I. Индивидуальное мнение члена Рабочей группы Сетонджи Ролан Аджови (частично несогласное) приведено в приложении II.

*** Приложения к настоящему документу воспроизводятся только на том языке, на котором они были представлены.



d) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному содержанию без возможности пересмотра дела или получения правовой защиты в административном или судебном порядке (категория IV);

e) когда лишение свободы является нарушением международного права в силу дискриминации по признаку рождения, национального, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения, политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или иного статуса, которая приводит или может привести к игнорированию принципа равенства людей (категория V).

Представленные материалы

Сообщение источника

4. Серикжан Билаш является 45-летним гражданином Казахстана. Он постоянно проживает в Алматы. До своего ареста г-н Билаш занимал должность директора «Атажурт Ериктилери» («Волонтеры Отечества») — организации, основанной в 2017 году, выступающей за освобождение этнических казахов, которые предположительно удерживаются правительством Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, и оказывающей поддержку родственникам удерживаемых лиц. По словам источника, несмотря на многократные попытки г-на Билаша зарегистрировать свою организацию, министр юстиции Казахстана предположительно отказал в регистрации.

a) Задержание и заключение под стражу

5. Источник сообщает, что 9 марта 2019 года шестеро неизвестных лиц явились в офис «Атажурт Ериктилери» в Алматы (Казахстан) и начали запугивать сотрудников организации. Они предположительно покинули здание только после того, как сотрудники вызвали полицию. Г-н Билаш, опасаясь за свою безопасность, решил в тот вечер не возвращаться домой, а остановиться в гостинице. Поэтому он заселился в отель «Рахад Палас» в Алматы.

6. Согласно источнику, 10 марта 2019 года около 2 ч 30 мин сотрудники органов национальной безопасности прибыли в гостиницу «Рахад Палас» и попытались попасть в номер г-на Билаша с помощью ключа, предоставленного им администрацией гостиницы. Однако г-н Билаш запер дверь на дополнительный замок с цепочкой, что не позволило сотрудникам органов безопасности сразу же попасть в его номер. Г-н Билаш попытался установить личность этих сотрудников, попросил их предъявить любой документ, который свидетельствовал бы о том, что они уполномочены войти в его номер. Как утверждается, сотрудники не дали никаких объяснений и без предупреждения, когда г-н Билаш стоял непосредственно за дверью, выбили ее ногой, в результате чего был поврежден дополнительный замок, а г-н Билаш получил травму на правой ноге. Источник далее сообщает, что, заметив его травму, сотрудники принудили г-на Билаша подписать заявление о том, что во время его ареста никто не был ранен.

7. Источник утверждает, что, несмотря на то, что г-н Билаш настаивал на том, чтобы ему сообщили причину присутствия сотрудников органов безопасности в его номере, они не предъявили ни ордера на арест, ни повестки в суд, ни официального уведомления о юридических основаниях его ареста, а также не выдвинули против него никаких конкретных обвинений. Однако один из сотрудников, как сообщается, заявил, что г-н Билаш совершил два преступления: он занимался деятельностью, наносящей вред отношениям между Казахстаном и Китаем, и помогал осведомителю из лагеря в Синьцзяне воспользоваться услугами частного адвоката в Казахстане. Сотрудники задержали г-на Билаша и посадили его на рейс в столицу, Нур-Султан, в 1300 км от Алматы. Источник далее сообщает, что, оказавшись в Нур-Султане, он, как утверждается, был переведен в Министерство внутренних дел, где его содержали по приказу министерства и допрашивали сотрудники органов национальной безопасности.

8. Источник указывает, что правительство не уведомило ни семью г-на Билаша, ни прессу о его задержании. Позднее, в тот же день (10 марта 2019 года), нескольких известных новостных агентств обратили внимание на выложенное в Интернет видео, на котором был виден номер отеля г-на Билаша со следами крови. По этой причине сотрудники органов национальной безопасности потребовали от г-на Билаша связаться со своими родственниками и друзьями и уведомить их о том, что он жив и находится в Нур-Султане. Во время содержания под стражей в Министерстве внутренних дел г-н Билаш также уведомил следователей о том, что он представлен собственным адвокатом. Однако ему не разрешили поговорить с ней. Вместо этого сотрудники министерства, как сообщается, попытались предоставить ему государственного адвоката, от услуг которого он неоднократно отказывался.

9. Источник утверждает, что позднее в тот же день полиция совершила обыск в офисе «Атажурт Ериктилери», изъяла компьютеры, фотоаппараты и жесткие диски с информацией о лицах, удерживаемых в Синьцзяне, и их показаниями. Как сообщается, позднее сотрудники правоохранительных органов заперли и опечатали офис, в результате чего штаб-квартира «Атажурт Ериктилери» временно прекратила свою деятельность.

b) Обвинение и расследование

10. Источник утверждает, что 11 марта 2019 года власти уведомили г-на Билаша о том, что он находится под следствием по обвинению в подстрекательстве к социальной, национальной, родовой, расовой, классовой или религиозной розни в соответствии со статьей 174 Уголовного кодекса Казахстана. Источник далее сообщает, что в тот же день прокуратура опубликовала пресс-релиз, в котором было сказано, что г-н Билаш нарушил часть 2 статьи 174, выступив 8 февраля 2019 года с призывом к джихаду против китайского народа во время беседы на встрече с представителями уйгурской общины в Алматы. По словам источника, заявления, сделанные г-ном Билашем на этом заседании, переводятся следующим образом: «Сегодня джихад — это не взяться за оружие и отправиться воевать в Сирии. Джихад — это информация и пропаганда».

11. Источник указывает, что 11 марта 2019 года, в тот же день, когда ему было сообщено о выдвинутых против него обвинениях, г-н Билаш предстал перед судьей в Специализированном межрайонном следственном суде в Нур-Султане. В ходе слушания суд постановил, что он должен оставаться под домашним арестом в городе Нур-Султан в течение двух месяцев в ожидании расследования обвинений в «разжигании национальной розни». По условиям домашнего ареста г-ну Билашу не было разрешено вернуться в свой дом в Алматы, несмотря на то, что действия, в отношении которых проводилось расследование, предположительно имели место именно в этом городе. Поскольку Нур-Султан находится в 1300 километрах от Алматы, г-ну Билашу, как сообщается, пришлось снять квартиру у знакомого, чтобы выполнить условия постановления о его задержании.

12. Согласно источнику, во время нахождения г-на Билаша под домашним арестом его неоднократно посещали сотрудники в штатском, которые с помощью угроз применения силы пытались заставить его сделать несколько письменных заявлений и заявлений на камеру. Как сообщается, полиция вынудила г-на Билаша пообещать в одном из заявлений прекратить поднимать вопрос об этнических казахах, удерживаемых в Синьцзяне. В другом заявлении полиция заставила его заявить, что он хочет уволить своего адвоката. В ходе этих допросов г-на Билаша, как утверждает, заставили также подписать несколько документов, некоторые из которых не содержали текста.

13. Источник сообщает, что 15 марта 2019 года эти сотрудники вновь посетили его и пообещали, что дадут ему «свободу к апрелю», если он уйдет с поста директора «Атажурт Ериктилери». Они заявили, что позволят другому активисту взять на себя руководство организацией, если г-н Билаш не будет в этом участвовать. Однако г-н Билаш отказался.

14. Источник утверждает, что с начала периода нахождения г-на Билаша под домашним арестом сотрудники полиции посещали его более 20 раз. Источник далее сообщает, что во время допросов сотрудники полиции часто угрожали ему и его семье физической расправой. Как утверждается, однажды сотрудники принесли с собой фотографию одного из родственников г-на Билаша, чтобы дать ему понять, что правительству известна личность членов его семьи. Источник добавляет, что адвокату г-на Билаша никогда не сообщали о запланированных допросах, в результате чего она никогда не присутствовала на них. Помимо этих попыток помешать адвокату г-на Билаша представлять его интересы и предполагаемых попыток полиции заставить его уволить своего адвоката, власти, как сообщается, следили за адвокатом г-на Билаша, а также притесняли и запугивали ее.

15. Источник утверждает, что 7 мая 2019 года Специализированный межрайонный следственный суд продлил срок домашнего ареста г-на Билаша. 8 июля 2019 года, как сообщается, по просьбе обвинения и полицейских следователей суд продлил его домашний арест до 10 августа 2019 года. Источник указывает, что суд не привел никаких конкретных или индивидуальных оснований — таких, как риск побега г-на Билаша, его опасность для общества или вероятность уничтожения доказательств, — которые могли бы оправдать необходимость его дальнейшего содержания под стражей, и что в случае вынесения обвинительного приговора г-ну Билашу может грозить наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до семи лет.

c) Обвинение и предполагаемое давление с целью заставить пойти на соглашение о признании вины

16. Согласно источнику, 16 июля 2019 года прокуратура обнародовала свое официальное обвинительное заключение в отношении г-на Билаша, предъявив ему обвинение в единократном нарушении части 1 статьи 174 Уголовного кодекса. Хотя первоначально г-н Билаш находился под следствием за нарушение части 2 статьи 174, обвинение решило вменить г-ну Билашу нарушение только части 1 статьи 174. Предположительно причина изменения заключается в том, что г-н Билаш не может считаться «лидером общественного объединения», как того требует часть 2, поскольку правительство неоднократно отказывало «Атажурт Ериктилери» в регистрации.

17. Источник сообщает, что 29 июля 2019 года суд первой инстанции Нур-Султана пришел к выводу, что Нур-Султан является ненадлежащим местом для рассмотрения дела против г-на Билаша, поскольку действия, являвшиеся предметом рассмотрения, имели место в Алматы. Соответственно, суд Нур-Султана передал дело г-на Билаша в Алматы, где досудебный процесс должен был начаться заново. Суд также, как сообщается, распорядился о переводе г-на Билаша под домашний арест в Алматы, приказ о котором должен был вступить в силу 14 августа 2019 года.

18. В период между публикацией приказа и его вступлением в силу г-на Билаша несколько раз посетили сотрудники правоохранительных органов по месту его нахождения под домашним арестом. Во время этих посещений они оказывали на г-на Билаша давление, требуя, чтобы тот согласился на сделку о признании вины.

19. Источник сообщает, что 9 августа 2019 года районный суд Алматы возбудил уголовное дело в отношении г-на Билаша, аналогичное тому, которое было возбуждено в Нур-Султане, несмотря на постановление суда Нур-Султана о передаче дела, вступившее в силу только 14 августа 2019 года, и несмотря на то, что г-н Билаш все еще находился под домашним арестом в Нур-Султане.

20. Согласно источнику, 15 августа 2019 года г-н Билаш был переведен из Нур-Султана в Алматы, где был помещен под домашний арест у себя дома. Приблизительно в 17 ч 30 мин 15 августа 2019 года районный суд Алматы, которому в настоящее время поручено рассмотрение дела г-на Билаша, уведомил его законного представителя о том, что первое слушание по делу г-на Билаша в этом суде состоится на следующее утро в 10 ч 00 мин. Источник далее сообщает, что позднее в тот же вечер адвокат г-на Билаша обнаружила, что тормоза ее автомобиля были повреждены. Она, как сообщается, сделала публичное заявление о том, что, по ее мнению, этот акт

представляет собой возмездие за то, что она представляла интересы фигурантов политических дел, в том числе г-на Билаша.

21. Источник сообщает, что утром следующего дня, 16 августа 2019 года, адвокат г-на Билаша отправилась в суд Алматы и обнаружила, что слушание, назначенное на 10 часов утра, было отменено. Затем ей сообщили, что досудебное слушание назначено на 19 ч 30 мин того же дня. Как сообщается, около 17 ч 30 мин адвокат г-на Билаша посетила его для обсуждения стратегии защиты. В ходе беседы г-н Билаш выразил намерение отказаться от заключения соглашения о признании вины. Во время этой встречи в дом к г-ну Билашу пришли сотрудники алматинской полиции, которые стали настаивать на том, чтобы он отправился в суд в их сопровождении. Как утверждается, полицейские не позволили адвокату г-на Билаша сопровождать своего клиента и она была вынуждена отправиться на слушание отдельно от него.

22. Согласно источнику, 16 августа 2019 года в 19 ч 15 мин, когда адвокат г-на Билаша прибыла в здание суда, ей сообщили, что ее подзащитный еще не прибыл. На самом же деле г-н Билаш к этому моменту уже находился в здании суда. Пока она ждала, на г-на Билаша оказывалось давление, с тем чтобы он пошел на соглашение о признании вины; позже стало известно, что эту беседу с ним вел советник президента. Источник далее утверждает, что г-на Билаша заставили подписать соглашение о признании вины, в противном случае он был бы заключен в тюрьму на срок до семи лет в соответствии со статьей 174 Уголовного кодекса. Тем временем адвокат поняла, что г-н Билаш все-таки находится в здании суда, и попросила встретиться со своим подзащитным. По сообщениям, сотрудники суда выгнали ее из здания и заперли за ней двери и ворота здания. Источник сообщает, что после этого она сообщила о сложившейся ситуации в социальных сетях, в результате чего у здания суда собралась толпа сторонников г-на Билаша.

23. Источник далее сообщает, что адвокату г-на Билаша было разрешено вновь войти в здание суда в 21 ч 00 мин и наконец встретиться со своим клиентом. Тот выглядел очень расстроенным, был бледен и у него дрожали руки. Как сообщается, адвокат г-на Билаша заявила, что ее клиент не в состоянии продолжать участвовать в судебном разбирательстве в связи с проблемами со здоровьем, к которым в прошлом относился сердечный приступ. Однако сотрудники суда приняли решение продолжить слушание, и г-на Билаша и его адвоката доставили в зал заседаний, в котором находились прокурор, судья и советник президента, о котором говорилось выше. Обвинение просило провести суд за закрытыми дверями, но адвокат возразила на том основании, что данный судебный процесс не предполагал обсуждения каких-либо секретных материалов или фактов, составлявших государственную тайну. Она подчеркнула, что дело представляет собой простой случай подстрекательства и что нет никаких оснований для отмены права ее клиента на открытое и публичное судебное разбирательство. Несмотря на возражение адвоката, судья постановил проводить судебное разбирательство в закрытом режиме, а обвинение просило отстранить адвоката г-на Билаша на том основании, что она действовала вопреки интересам своего клиента. Как сообщается, обвинение далее заявило, что г-н Билаш хотел заключить сделку о признании вины, но его адвокат не позволяла ему пойти на это. В ответ адвокат пояснила, что в разговоре, который состоялся между ней и ее клиентом ранее в тот же вечер, г-н Билаш сообщил ей, что не желает заключать соглашения о признании вины, и она попросила некоторое время для конфиденциальной беседы со своим клиентом, чтобы понять, передумал ли он. Судья, как утверждается, отказал ей во встрече с г-ном Билашем в конфиденциальном порядке и вместо этого сам спросил г-на Билаша, хочет ли он заключить соглашение о признании вины. Он ответил, что заключит соглашение. Затем судья рекомендовал заключить соглашение о признании вины.

24. Согласно источнику, адвокат г-на Билаша отказалась подписывать соглашение о признании вины, что является необходимым условием, согласно законодательству Казахстана. Источник сообщает, что суд, тем не менее, организовал подписание г-ном Билашем соглашения. На этом его адвокат, как сообщается, покинула здание суда, не желая участвовать в соглашении, которое считала незаконным, поскольку оно было подписано под давлением. Источник сообщает, что затем судья назначил

г-ну Билашу другого адвоката, который поставил свою подпись на соглашении о признании вины. Новый адвокат г-на Билаша не проконсультировался с предыдущим адвокатом и не изучил надлежащим образом материалы дела, касавшиеся его клиента. Затем г-н Билаш, как сообщается, с разрешения своего нового адвоката приступил к подписанию соглашения о признании вины. Источник далее сообщает, что в соответствии с соглашением г-н Билаш признал себя виновным в нарушении статьи 174 Уголовного кодекса — в разжигании социальной розни в отношении китайцев. Кроме того, г-н Билаш согласился воздерживаться в течение следующих семи лет от участия в какой-либо общественной пропагандистской деятельности, отстаивая какие-либо убеждения. Помимо этого, согласно источнику, в соглашении оговаривается, что г-ну Билашу не разрешается покидать Алматы в течение трех месяцев и он должен выплатить штраф в размере примерно 300 долл. США. Суд вынес постановление о признании вины, закрыл уголовное дело в отношении г-на Билаша и освободил его из здания суда примерно в 23 ч 30 мин. После этого г-н Билаш сделал публичное заявление о том, что он признал вину в обмен на свободу. В соответствии с соглашением он также покинул должность директора организации «Атажурт Ериктилери».

d) Предположительно продолжающееся притеснение г-на Билаша

25. Источник сообщает, что власти продолжают притеснять г-на Билаша, несмотря на то, что он прекратил свою общественно-пропагандистскую деятельность, как это было предусмотрено условиями предположительно навязанного ему соглашения о признании вины. Так, источник сообщает, что алматинская полиция докучает ему еженедельными посещениями и допросами.

26. Наконец, как утверждает источник, власти поместили его в черный список финансовых организаций и заморозили его банковский счет, что препятствует передаче им определенного имущества и оформлению страхового полиса. Как сообщается, кредитные карты, изъятые у него во время задержания, так и не были ему возвращены. 7 декабря 2019 года, когда он, как сообщается, пытался передать право собственности на свой автомобиль брату, ему не позволили сделать этого из-за введенных в его отношении правовых ограничений. Когда г-н Билаш попытался оформить новый страховой полис на свой автомобиль, ему было отказано и в этом из-за того, что он находится в черном списке.

e) Правовой анализ

27. Источник утверждает, что содержание г-на Билаша под стражей представляло собой произвольное лишение свободы в соответствии с категориями I, II и III Рабочей группы по произвольным задержаниям.

i. Категория I

28. Источник утверждает, что содержание г-на Билаша под стражей было произвольным ввиду отсутствия каких-либо существенных доказательств, оправдывающих его задержание, а также потому, что ему было предъявлено обвинение по статье 174 — расплывчатому положению Уголовного кодекса, допускающему расширительное толкование и не содержащему четкого описания запрещенных видов деятельности. Источник ссылается на вывод Рабочей группы об отсутствии правовых оснований по смыслу категории I для помещения под стражу в тех случаях, когда лицо подвергается аресту без существенных доказательств, оправдывающих арест¹, и когда правительство страны использует для преследования лица расплывчатые законодательные положения или положения, допускающие расширительное толкование². Источник отмечает, что Комитет по правам человека признал статью 174 расплывчатой и чрезмерно широкой³ и заявил, что она широко

¹ Мнение № 58/2016, п. 21.

² Мнения № 60/2013, п. 22; и № 44/2014, пп. 26–37.

³ CCPR/C/KAZ/CO/2, п. 49.

применяется в отношении лиц, осуществляющих свое право на свободное выражение мнений в соответствии с международным правом прав человека⁴.

29. Источник утверждает далее, что контекст заявлений г-на Билаша свидетельствует о превратном понимании Генеральной прокуратурой слов, произнесенных им 8 февраля 2019 года, и что его заявление не может быть истолковано как подтверждение того, что он совершил какое-либо преступное деяние, признаваемое таковым в соответствии со статьей 174 или иными правовыми положениями. Напротив, источник утверждает, что выступление г-на Билаша содержало призыв к отказу от насилия.

30. Источник утверждает, что правительство нарушило пункт 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 2 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека, которые гарантируют право знать закон и знать, какое поведение его нарушает. Источник далее утверждает, что содержание г-на Билаша под стражей носило произвольный характер в соответствии с категорией I по причине отсутствия материальных доказательств, которые оправдывали бы его арест, и что основания для его помещения под стражу были и расплывчатыми, и чрезмерно широкими, что представляет собой нарушение Пакта и Всеобщей декларации прав человека.

ii. Категория II

31. Источник утверждает, что г-н Билаш был помещен под стражу в связи с осуществлением им основных прав или свобод, защищаемых международным правом, включая право на свободу выражения мнений, собраний и ассоциации.

32. Источник утверждает, что правительство нарушило права г-на Билаша на свободу выражения мнений, собраний и ассоциации, поскольку он был задержан за свою общественно-пропагандистскую деятельность в защиту этнических казахов, удерживаемых в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. По словам источника, правительство неоднократно демонстрировало, что г-н Билаш был задержан в связи с этой общественной деятельностью, поскольку: а) сотрудники органов национальной безопасности сказали ему, что его арест связан с тем влиянием, которое его работа оказывает на отношения Казахстана с Китаем; б) 14 марта 2019 года следователи принуждали его выступить с обещанием прекратить поднимать вопрос о притеснении этнических казахов в Синьцзяне; в) 15 марта 2019 года сотрудники органов национальной безопасности обещали, что дадут ему «свободу к апрелю», если он уйдет с должности директора «Атажурт Ериктилери»; и d) за арестом г-на Билаша по распоряжению правительства последовал обыск в офисе «Атажурт Ериктилери», в ходе которого должностные лица изъяли информационно-пропагандистские материалы, не имевшие отношения к предъявленным г-ну Билашу обвинениям. Наконец, источник утверждает, что правительство предположительно сначала пыталось предъявить г-ну Билашу обвинение по пункту 2 статьи 174 Уголовного кодекса — положению, согласно которому в случае признания г-на Билаша виновным ему было бы запрещено заниматься общественно-пропагандистской деятельностью на срок до трех лет.

33. Источник утверждает, что правительство нарушило право г-на Билаша на свободное выражение мнений, задержав его за высказывания, явно защищаемые статьей 19 Пакта и статьей 19 Всеобщей декларации прав человека. Согласно источнику, его заявления приравниваются к обсуждению вопроса о религиозном толковании, поскольку оно относится к вопросу, вызывающему общественную обеспокоенность, а именно к вопросу о повышении осведомленности об интернировании мусульман в Синьцзяне. Источник утверждает, что, таким образом, его высказывания о ненасильственном толковании встречающейся в Коране концепции джихада являются осуществлением его права на свободу выражения мнений, и поэтому Генеральная прокуратура неверно истолковала их как призывы к джихаду против Китая.

⁴ Там же, пп. 47–49.

34. Источник утверждает также, что, хотя права на свободу выражения мнений, ассоциации и собраний не являются абсолютными, ни одно из исключений из этих прав не применимо к делу г-на Билаша. Комитет по правам человека подчеркнул, что такие ограничения не должны «ставить под угрозу сам принцип этого права»⁵ и что правительству недостаточно просто сослаться на одно из исключений; вместо этого правительству надлежит точно указать, «какую именно угрозу» представляет пользующаяся защитой деятельность⁶, установить «прямую и явную связь между выражением мнения и угрозой» и продемонстрировать, почему ограничение необходимо⁷. Кроме того, в случае права на свободу выражения мнений Комитет по правам человека четко заявил, что пункт 3 Конвенции ни в коем случае не должен использоваться для того, чтобы «заставить замолчать каких-либо защитников ... прав человека»⁸. Источник утверждает, что арест и задержание г-на Билаша выходят за рамки любого возможного законного ограничения права на свободу выражения мнений и должны быть квалифицированы как попытка заставить замолчать г-на Билаша как правозащитника и, таким образом, не могут быть оправданы в качестве законного ограничения его прав на свободу выражения мнений, собраний и ассоциации.

35. Кроме того, источник заявляет, что ни одно из ограничений, предусмотренных пунктом 3 статьи 19 Пакта, не оправдывает арест или задержание правительством г-на Билаша, поскольку его заявления не ставят под угрозу национальную безопасность, общественный порядок, здоровье или нравственность населения и не нарушают права или репутацию других лиц. Наконец, источник заявляет, что закон, который, как правительство утверждает, г-н Билаш нарушил своим заявлением от 8 февраля 2019 года, является слишком расплывчатым и допускает слишком широкое толкование, чтобы соответствовать требованию пункта 3 статьи 19 Пакта о том, что ограничения «должны быть установлены законом».

36. Источник приходит к выводу, что, лишение г-на Билаша свободы выражения мнений и его помещение под стражу на основании его прав на свободу ассоциации и собраний представляло собой нарушение правительством Казахстана его прав, закрепленных в статьях 19, 21 и 22 Пакта, а также в статьях 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьях 20 (о свободе слова), 23 (о свободе ассоциации) и 32 (о свободе собраний) Конституции Казахстана, и произвольное задержание, подпадающее под категорию II.

iii. Категория III

37. Источник сообщает, что г-ну Билашу не сообщили о правовых основаниях его ареста во время его задержания и помещения под стражу 10 марта 2019 года. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов не предъявили г-ну Билашу ордера на его арест, и нет никаких признаков существования такого ордера. Соответственно, источник утверждает, что задержание г-на Билаша было необоснованным, представляло собой нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта, статьи 9 Всеобщей декларации прав человека и принципа 2 и пункта 2 принципа 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Свод принципов).

38. Источник утверждает, что, отказав г-ну Билашу в освобождении до суда, правительство нарушило пункт 3 статьи 9 Пакта и принципы 38 и 39 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Г-н Билаш был доставлен к судье и получил приказ находиться под домашним арестом в течение двух месяцев в Нур-Султане, который находится более чем в 1300 километрах от Алматы, где было совершено предполагаемое преступление и где г-н Билаш постоянно проживает. Судья не привел никаких специфических причин, которые оправдывали бы содержание г-на Билаша под стражей в Нур-Султане.

⁵ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 21.

⁶ *Шин против Республики Корея* (CCPR/C/80/D/926/2000), п. 7.3.

⁷ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 35.

⁸ Там же, п. 23.

Вдобавок к этому источник утверждает, что суд не представил специфических оснований для продления домашнего ареста г-на Билаша на два месяца 7 мая 2019 года и еще на один месяц 8 июля 2019 года. Источник утверждает далее, что г-н Билаш не представлял угрозы побега, которая оправдывала бы такое продление. Источник приходит к выводу, что, таким образом, отказ в освобождении до суда представлял собой нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта и принципов 38 и 39 Свода принципов.

39. Источник утверждает, что правительство нарушило пункты 3 b) и d) статьи 14 Пакта, пункты 1 и 3 принципа 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, правило 119 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций (Правила Нельсона Манделы) и пункт 3 статьи 16 Конституции Казахстана, поскольку лишило г-на Билаша права на помощь адвоката по своему выбору. Несмотря на то, что адвокат, нанятая г-ном Билашем по собственному выбору, неоднократно направляла уведомления о том, что она представляет г-на Билаша, правительство, как сообщается, вынудило подсудимого уволить своего адвоката и пользоваться услугами государственного защитника. Источник утверждает, что, несмотря на получение уведомления о том, что интересы г-на Билаша представляет избранная им самим адвокат, сотрудники органов национальной безопасности неоднократно допрашивали его в ее отсутствие и не уведомляли ее о проведении допросов. Кроме того, в течение всего периода содержания г-на Билаша под стражей его адвокат подвергалась преследованиям и притеснениям со стороны сотрудников национальной безопасности, задачей которых было запугать ее, воспрепятствовать ее работе и помешать ей представлять г-на Билаша.

40. В свете вышеизложенного источник приходит к выводу, что Казахстан нарушил подпункты b) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта, пункты 1 и 3 принципа 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, правило 119 Правил Нельсона Манделы и пункт 3 статьи 16 Конституции.

41. Источник утверждает, что правительство неоднократно угрожало г-ну Билашу причинением вреда ему и его семье, с тем чтобы добиться от него письменного признания и признания на камеру. Во время нахождения г-на Билаша под домашним арестом сотрудники органов национальной безопасности неоднократно оказывали на него давление, угрожая как ему, так и его семье. Как утверждается, сотрудники органов национальной безопасности принудили г-на Билаша пообещать прекратить свою общественно-пропагандистскую деятельность по отстаиванию прав этнических казахов, удерживаемых в китайских лагерях, отказаться от услуг своего адвоката и подписать несколько документов, некоторые из которых не содержали текста. Таким образом, источник утверждает, что, используя угрозы причинения вреда для принуждения г-на Билаша к даче показаний, правительство Казахстана нарушило пункт 3 g) статьи 14 Пакта и пункт 2 принципа 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

42. Наконец, источник утверждает, что события, связанные с соглашением о признании вины, которое г-н Билаш, как утверждается, подписал под давлением 16 августа 2019 года, представляли собой дополнительное ограничение его физической свободы, а также его прав на свободу выражения мнений, ассоциации и собраний, что представляет собой дополнительные нарушения прав человека, в том числе статей 5, 9, 10, 11, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека, статей 7, 9, 10, 14, 19, 21, 22 и 26 Пакта, статьи 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также принципов 1, 2, 5, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 21, 35 и 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

43. В свете вышеизложенного источник приходит к выводу, что правительство Казахстана отказало г-ну Билашу во многих правах на надлежащее судебное разбирательство, в результате чего лишение его свободы являлось произвольным в соответствии с категорией III.

Ответ правительства

44. В соответствии со своей обычной процедурой рассмотрения сообщений Рабочая группа 19 декабря 2019 года препроводила утверждения источника правительству. Рабочая группа просила правительство представить к 17 февраля 2020 года подробную информацию об обстоятельствах ареста и содержания г-на Билаша под стражей и дать разъяснение относительно правовых положений, оправдывавших его содержание под стражей, а также их совместимости с обязательствами правительства по международному праву прав человека.

45. Правительство 11 февраля 2020 года обратилось с просьбой о продлении срока для представления ответа в соответствии с пунктом 16 методов работы Рабочей группы. Просьба о продлении была удовлетворена, и был назначен новый срок — 17 марта 2020 года.

46. В своем ответе от 17 марта 2020 года правительство заявило, что полиция Нур-Султана получила жалобу от адвоката в Нур-Султане, в которой упоминались комментарии, размещенные г-ном Билашем в Интернете, и речь, произнесенная им 8 февраля 2019 года.

47. Правительство заявляет, что текст речи г-на Билаша, с которой он выступил 8 февраля 2019 года, была направлена независимым экспертам, которые пришли к выводу, что своими заявлениями г-н Билаш разжигал этническую ненависть. Правительство заявило, что в докладе эксперта упоминаются следующие замечания, высказанные г-ном Билашем:

а) «Все граждане, независимо от их национальности, должны объединиться против врага страны».

б) «Если бы мой брат работал на китайцев, если бы мой брат продался китайцам, я бы убил его».

в) «И если враг, убивший семерых моих отцов, скажет мне забыть всё ради наших народов, работать сообща против Китая, я готов сражаться, даже на одной стороне с врагом, убившим моего отца».

г) «Так что, если хочешь быть достойным милосердия и сострадания Аллаха, отбрось все [другие] вопросы в сторону, это джихад».

д) «Китаю нужно изменить эту историю. Преступление [уйгуров] заключается в том, что они не китайцы. У них не китайские имена. Поэтому они первыми подлежат уничтожению».

48. Правительство сообщило, что прокурор распорядился о задержании г-на Билаша на основании указанной жалобы и доклада эксперта. В ответе правительства утверждается, что арест г-на Билаша без ордера был произведен в соответствии с национальным законодательством Казахстана.

49. Правительство опровергло версию связанных с арестом событий в изложении г-на Билаша и заявило, что никакого вторжения не было и что г-н Билаш сам открыл дверь и не получал никаких травм.

50. Правительство заявило, что г-н Билаш сам решил заменить своего адвоката и что оно никак не влияло на его выбор адвоката или его решение о том, следует ли продолжить сотрудничество со своим адвокатом. Правительство добавляет, что решение о заключении соглашения о признании вины г-н Билаш принял самостоятельно, при поддержке и с согласия своего нового адвоката.

51. Правительство заявляет, что в соответствии с соглашением о признании вины г-н Билаш был приговорен к шести месяцам домашнего ареста и был лишен права работать в общественных организациях в течение семи лет и заниматься незаконной деятельностью. Правительство отмечает, что, поскольку время, проведенное г-ном Билашем под домашним арестом, было зачтено в срок лишения свободы, он содержался под стражей еще всего лишь три месяца и 12 дней.

Дополнительные замечания источника

52. Источник отметил, что правительство не оспорило того, что статья 174 Уголовного кодекса является недопустимо расплывчатой и допускает чрезмерно широкое толкование и что был нарушен запрет на принуждение к даче показаний.

53. Источник утверждает, что в своем ответе правительство впервые подняло вопрос о пяти цитатах и что первоначальные претензии правительства касались призыва г-на Билаша к «джихаду — войне против китайцев». Источник утверждает, что ни одно из пяти процитированных заявлений не соответствует этому описанию.

54. Источник добавляет, что предполагаемые заявления г-на Билаша защищены правом на свободу выражения мнений и что правительство не может снять с себя бремя доказывания, лишь заявив, что в одном из докладов экспертов был сделан вывод о том, что публичные заявления г-на Билаша выходят за рамки допустимой свободы слова.

55. Источник сослался на критерии, изложенные в Рабатском плане действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, для оценки того, соответствует ли криминализация высказываний, разжигающих ненависть, праву на свободу выражения мнений⁹. Источник утверждает, что заявления г-на Билаша подпадают под защиту свободы выражения мнений, поскольку: а) они были сделаны в контексте общественной пропаганды, направленной на прекращение крупномасштабных нарушений прав человека в Синьцзяне; б) они были сделаны г-ном Билашем, который является правозащитником и руководителем организации, занимающейся разоблачением злоупотреблений со стороны правительства Китая и просвещением аудитории, стремящейся узнать больше о нарушениях в Синьцзяне; в) эти заявления представляют собой риторические приемы, использующие гиперболу и гипотетическое предположение с целью сделать драматический акцент, а не конкретные призывы к неминуемому насилию в отношении легко опознаваемых лиц; d) речь была произнесена лично перед аудиторией и, таким образом, имела ограниченный охват; и e) не было представлено никаких доказательств того, что выступление г-на Билаша привело к реальному насилию или выражению ненависти.

Обсуждение

56. Рабочая группа благодарит источник и правительство за представление своих комментариев в срок.

57. Прежде всего Рабочая группа отмечает, что г-н Билаш был освобожден из-под стражи после заключения соглашения о признании вины после того, как провел более пяти месяцев под домашним арестом. Поскольку он был освобожден, Рабочая группа может либо закрыть данное дело, либо вынести мнение относительно произвольного характера задержания в соответствии с пунктом 17 а) своих методов работы. В данном конкретном случае Рабочая группа решила вынести настоящее мнение в соответствии с пунктом 15 своих методов работы. Принимая это решение, Рабочая группа придает особое значение тому факту, что, хотя г-н Билаш был освобожден из-под стражи, обстоятельства его задержания были серьезными и требуют дополнительного изучения¹⁰, поскольку он, как утверждается, подвергся преследованию за осуществление своих прав на свободу выражения мнений и ассоциации, а также потому, что, согласно сообщениям, он был лишен свободы и помещен под домашний арест на период более пяти месяцев до заключения соглашения о признании вины и на период более трех месяцев после этого.

58. При определении того, являлось ли содержание г-на Билаша под стражей произвольным, Рабочая группа исходит из принципов, установленных в ее правовой практике в связи с решением вопросов, имеющих доказательственное значение.

⁹ A/HRC/22/17/Add.4, приложение, п. 18.

¹⁰ Мнения № 55/2018, п. 59; и № 50/2017, п. 53 с).

Если источник демонстрирует наличие *prima facie* доказательств нарушения международных требований, представляющего собой произвольное задержание, то бремя доказывания обратного, если правительство желает опровергнуть данные утверждения, возлагается на правительство. Одних лишь заверений правительства, что законные процедуры были соблюдены, недостаточно для того, чтобы опровергнуть утверждения источника (A/HRC/19/57, п. 68).

59. Рабочая группа повторяет также, что при рассмотрении случаев, связанных с предположительным ограничением свободы мнений и их выражения или касающихся правозащитников, она применяет более строгие требования¹¹. Роль г-на Билаша как видного активиста и правозащитника, выступающего за освобождение этнических казахов, удерживаемых правительством Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, требует от Рабочей группы рассмотрения его дела с особой тщательностью¹².

60. Рабочая группа напоминает, что домашний арест равносителен содержанию под стражей, если он осуществляется в закрытом помещении, которое лицо не имеет права покинуть¹³. Рабочая группа отмечает, что г-н Билаш был подвергнут досудебному содержанию под домашним арестом в течение более пяти месяцев, прежде чем он согласился подписать соглашение о признании вины. Источник сообщает, что г-н Билаш был помещен под домашний арест 11 марта 2019 года в городе Нур-Султан, который находится в 1300 километрах от его собственного дома в Алматы, и что ему не разрешили вернуться домой. Во время нахождения г-на Билаша под домашним арестом его неоднократно посещали сотрудники полиции. 29 июля 2019 года суд вынес постановление о переводе его под домашний арест по месту регистрации в Алматы, и 15 августа 2019 года он был туда переведен.

61. Источник сделал ряд утверждений в отношении задержания г-на Билаша и заявил, что оно подпадает под категории I, II и III. Рабочая группа рассмотрит каждое из них по очереди.

Категория I

62. Согласно информации, предоставленной источником, во время ареста г-на Билаша сотрудники органов национальной безопасности не предъявили ордера и применили чрезмерную силу. Рабочая группа отмечает, что правительство представило в своем ответе информацию о том, что арест был произведен в полном соответствии с национальным законодательством, но не обосновало своего утверждения в опровержение предъявленной претензии. В принципе, за исключением случаев задержания лица на месте преступления, арест без действительного ордера должен рассматриваться *ipso facto* как нарушение статей 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека и пункта 1 статьи 9 Пакта, а также принципов 2, 4 и 10 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме¹⁴. По этой причине Рабочая группа считает, что г-н Билаш был арестован без ордера на арест и с применением чрезмерной силы вопреки пункту 1 статьи 9 Пакта.

63. Источник заявил, что задержание г-на Билаша было произвольным, поскольку он был арестован без существенных доказательств, которые оправдывали бы его арест, т. к. выступление г-на Билаша, сделанное им 8 февраля 2019 года, не могло быть

¹¹ Мнения № 13/2018, п. 22; № 57/2017, п. 46; № 41/2017, п. 95; № 62/2012, п. 39; № 54/2012, п. 29; и № 64/2011, п. 20.

¹² Правозащитники, в частности, имеют право изучать, обсуждать, составлять и иметь мнения относительно соблюдения всех прав человека и основных свобод как в законодательстве, так и на практике, и привлекать внимание общественности к этим вопросам, используя эти и другие соответствующие средства; см. также Декларацию о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, ст. 6 с). Правозащитники имеют право проводить расследования и собирать информацию о нарушениях прав человека, а также сообщать о них; см. мнение № 8/2009, п. 18.

¹³ См., например, мнения № 37/2018, п. 25; и № 13/2007, п. 24; и мнение № 1 (E/CN.4/1993/24, разд. II).

¹⁴ Мнения № 13/2020, п. 47; № 6/2020, п. 40; № 47/2018, п. 56; № 27/2018, п. 68; и № 26/2018, п. 54.

истолковано как преступление. В своем ответе правительство заявило, что имеются достаточные основания для задержания и допроса г-на Билаша, поскольку два эксперта, проанализировавшие его выступление от 8 февраля 2019 года, пришли к выводу, что оно содержало элементы разжигания этнической ненависти. По словам источника, г-ну Билашу было сообщено о выдвинутых против него обвинениях 11 марта 2019 года, и он в тот же день предстал перед судьей Специализированного межрайонного следственного суда, который распорядился оставить его под домашним арестом в ожидании расследования выдвинутых обвинений. Рабочая группа напоминает, что в принципе повторная оценка достаточности доказательств, на основании которых были арестованы лица, выходит за рамки ее мандата¹⁵, поэтому она не будет рассматривать вопрос о том, был ли арест г-на Билаша оправдан достаточными доказательствами.

64. Однако Рабочая группа считает, что досудебное содержание г-на Билаша под стражей — с учетом того, что такая мера пресечения должна быть скорее исключением, чем правилом, — не имело под собой правовой основы, поскольку постановление суда и решения о неоднократном продлении не были основаны на принятом в конкретном случае решении о том, что эти меры являются разумными и необходимыми с учетом всех обстоятельств для таких указанных в законе целей, как предупреждение побега, вмешательства в процесс сбора доказательств или рецидива преступления, и поскольку не было рассмотрено никаких альтернативных мер, таких как освобождение под залог, электронный браслет или другие условия, которые сделали бы содержание под стражей ненужным в данном конкретном случае. Поэтому Рабочая группа приходит к выводу, что правительство нарушило статью 9 Всеобщей декларации прав человека, пункт 3 статьи 9 Пакта и принципы 38 и 39 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме¹⁶.

65. Источник утверждает, а правительство не опровергает, что статья 174 Уголовного кодекса допускает чрезмерно широкое толкование, поскольку содержит субъективные формулировки, которые криминализируют действия, оскорбляющие чувства, национальную честь или достоинство или способствующие разжиганию розни.

66. Рабочая группа напоминает, что такие неясные и широко сформулированные положения, которые не могут квалифицироваться как *lex certa*, нарушают надлежащую правовую процедуру, подчиненную принципу законности, который закреплен в пункте 1 статьи 15 Пакта и пункте 2 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека. Как Рабочая группа заявляла ранее, принцип законности требует достаточно четкого формулирования законов, с тем чтобы человек при ознакомлении с ними мог их понять и соответствующим образом регулировать свое поведение¹⁷.

67. В этой связи Рабочая группа напоминает, что в 2016 году в своих заключительных замечаниях по Казахстану Комитет по правам человека заявил:

Комитет по-прежнему обеспокоен (см. CCPR/C/KAZ/CO/1, п. 25) законами и практикой, которые нарушают право на свободу мнений и их свободное выражение, в том числе: а) широким применением положений уголовного права в отношении лиц, осуществляющих свое право на свободное выражение мнений, в том числе положений в отношении широко сформулированного преступления, связанного с возбуждением «социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» ... Комитет отмечает, что вышеуказанные законы и практика, как представляется, не отвечают закрепленным в Пакте принципам правовой определенности, необходимости и пропорциональности, в том числе строгим требованиям пункта 3 статьи 19 Пакта (ст. 14 и 19)¹⁸.

¹⁵ Мнения № 8/2020, п. 71; № 16/2017, п. 59; и № 12/2015, п. 11.

¹⁶ A/HRC/19/57, пп. 53–56.

¹⁷ См., например, мнения № 62/2018, п. 57; и № 41/2017, пп. 98–101.

¹⁸ CCPR/C/KAZ/CO/2, п. 49.

68. Рабочая группа далее принимает к сведению мнения, сформулированные Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом после ее поездки в Казахстан в 2019 году:

Статьей 174 Уголовного кодекса, наиболее часто применяемой против активистов гражданского общества в Казахстане, широко криминализируются разжигание социальной, национальной, племенной, классовой, расовой или религиозной розни, что является крайне расплывчатым основанием и не обеспечивает подлинной защиты лицам, принадлежащим к меньшинствам. ... Поскольку эта статья предусматривает ограничение права на свободу выражения мнений на крайне расплывчатых и субъективных основаниях, не признаваемых правом прав человека, и, например, содержит такие неопределенные термины, как «рознь» и «оскорбление национальной чести и достоинства или религиозных чувств», она не обеспечивает юридической определенности для лиц, на основе которой они могли бы регулировать свое поведение. Специальный докладчик считает, что определение подстрекательства в соответствии со статьей 174 является крайне неточным, и повторяет, что в соответствии с международными стандартами при оценке выражения мнений в качестве подстрекательства необходимо учитывать шесть элементов: общий контекст, личность говорящего, намерение, содержание и форму высказывания, масштабы выступления и вероятность причинения вреда, включая его неизбежность¹⁹. Отсутствие точности усугубляется субъективностью в определении того, что можно считать экстремизмом. Специальный докладчик отмечает, что это, как правило, делается на основе мнений назначенных правительством благонадежных «экспертов» (лингвистов, филологов, психологов, теологов и политологов), перед которыми ставится задача определить, содержит ли какой-либо документ, заявление или группа экстремистский элемент. После вынесения такого мнения его очень сложно оспорить или опровергнуть на практике. Таким образом, Специальный докладчик полностью согласна с оценкой Комитета по правам человека, согласно которой широкая формулировка понятий «экстремизм», «разжигание социальной или классовой ненависти» и «религиозная ненависть или вражда» может быть использована для того, чтобы неправомерным образом ограничивать свободу религии, выражения своего мнения, собраний и ассоциаций (CCPR/C/KAZ/CO/2, п. 13)²⁰.

69. Рабочая группа согласна с мнением, выраженным Комитетом по правам человека и Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом по поводу формулировки статьи 174 Уголовного кодекса. Рабочая группа считает, что наряду с определениями «разжигание социальной или классовой ненависти» и «религиозной ненависти или вражды», положение об уголовной ответственности за поведение, «поощряющее социальную, национальную, общую, расовую, классовую или религиозную рознь», также является чрезмерно широким и лишено необходимой степени правовой определенности²¹.

70. В этой связи Рабочая группа приходит к выводу, что арест и содержание г-на Билаша под стражей не имели под собой правового основания и поэтому его арест и содержание под стражей подпадают под категорию I.

Категория II

71. Источник утверждает, а правительство не опровергает, что г-н Билаш был основателем и директором организации «Атажурт Ериктилери», которая ведет кампанию за освобождение этнических казахов, предположительно удерживаемых правительством Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Источник

¹⁹ Рабатский план действий.

²⁰ A/HRC/43/46/Add.1, п. 15. См. также A/HRC/29/25/Add.2, пп. 25, 30 и 96 а).

²¹ Мнение № 62/2017, п. 36.

утверждает, что г-н Билаш был помещен под стражу в связи с осуществлением им основных прав или свобод, защищаемых международным правом, включая право на свободу выражения мнений, собраний и ассоциации. Правительство заявило, что, хотя оно поддерживает право на свободу слова, арест г-на Билаша был связан с обвинениями в высказываниях, направленных на подстрекательство к насилию или ненависти в отношении других лиц по признаку этнического происхождения.

72. Рабочая группа напоминает, что свобода мнений и свобода их выражения, закрепленные в статье 19 Пакта, представляют собой необходимые условия для всестороннего развития личности; они имеют важнейшее значение для любого общества и по сути являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Более того, «поскольку во многих случаях мирные собрания проводятся в целях выразить определенные мнения, а такая форма их выражения, как политические высказывания, пользуется особой защитой, то собраниям политического характера следует обеспечивать условия и защиту повышенного уровня»²².

73. Комитет по правам человека отмечал, что свобода выражения мнений включает в себя право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ и что это право включает в себя передачу и получение сообщений, содержащих всякого рода идеи и мнения, которые могут быть переданы другим лицам, в том числе политические выступления²³. Допускаемые ограничения этого права могут относиться либо к уважению прав или репутации других лиц, либо к охране государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Комитет уточнил также, что не допускаются никакие ограничения, установленные на основаниях, не содержащихся в пункте 3 статьи 19, даже если такие основания будут оправдывать ограничения в отношении других прав, защищаемых Пактом. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и они должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют, и быть ей соразмерны²⁴. Кроме того, пункт 3 статьи 19 «ни при каких условиях не может служить оправданием для того, чтобы заставить замолчать каких-либо защитников многопартийной демократии, демократических принципов и прав человека»²⁵. Следует отметить, что статьи 21 и 22 Пакта допускают ограничения права на ассоциацию по тем же трем основаниям.

74. Рабочая группа напоминает, что Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение отметил, что право на свободное выражение мнений включает в себя выражение оскорбляющих, шокирующих или раздражающих взглядов и мнений (A/HRC/17/27, п. 37). Право на защиту действует даже в отношении тех заявлений, которые власти считают неприемлемыми, неуважительными и крайне вульгарными.

75. В данном случае Рабочей группе ясно, что на самом деле основанием для ареста и задержания г-на Билаша было осуществление им свободы выражения мнений и свободы ассоциации. Источник утверждает, что при аресте г-на Билаша сотрудник органов национальной безопасности заявил, что арест был произведен за участие в деятельности, наносящей вред отношениям Казахстана с Китаем, и за оказание помощи осведомителю из лагеря в Синьцзяне в получении юридической помощи в Казахстане. Источник далее утверждает, а правительство в своем ответе не опровергает, что: а) сотрудники полиции оказывали давление на г-на Билаша, с тем чтобы тот официально пообещал прекратить поднимать вопрос о притеснении этнических казахов, удерживаемых в Синьцзяне, б) сотрудники национальной безопасности обещали г-ну Билашу, что они дадут ему «свободу к апрелю», если он покинет пост руководителя «Атажурт Ериктилери», и с) в день ареста г-на Билаша полиция произвела обыск в офисе «Атажурт Ериктилери» и изъяла материалы,

²² Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 37 (2020), п. 32.

²³ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 11.

²⁴ Там же, п. 22.

²⁵ Там же, п. 23.

которые касались пропагандистской деятельности организации, но не имели никакого отношения к обвинениям, выдвинутым против г-на Билаша. В частности, в своем ответе правительство заявляет, что в соответствии с соглашением о признании г-ном Билашем своей вины ему запрещено работать в общественных организациях в течение семи лет с момента вынесения обвинительного приговора по его делу. Такое условие, ограничивающее способность г-на Билаша осуществлять свои права на свободу выражения мнений и ассоциации, не имеет никакого отношения к предполагаемым высказываниям, которые стали предметом обвинений в его адрес²⁶. Это заставляет Рабочую группу сделать вывод о том, что правительство стало преследовать г-на Билаша за осуществление им своих прав на свободу выражения мнений и ассоциации.

76. Основываясь на имеющейся информации и обращая особое внимание на то, что, как утверждается, эти заявления были сделаны в рамках общественно-пропагандистской деятельности, Рабочая группа приходит к выводу о том, что ни одно из заявлений г-на Билаша не выходило за рамки права на свободу выражения мнений и что его задержание стало результатом осуществления им этого права.

77. Кроме того, правительство в своих ответах ничего не сообщило о том, что в случае, связанном с делом г-на Билаша, применялись какие-либо из допустимых согласно пункту 3 статьи 19 Пакта ограничений права на свободу выражения мнений. По этой причине Рабочая группа направляет данное дело Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение.

78. Рабочая группа считает, что лишение г-на Билаша свободы было произвольным и подпадало под категорию II, поскольку явилось результатом осуществления им прав и свобод, гарантированных статьями 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьями 19, 21 и 22 Пакта.

Категория III

79. С учетом своего вывода о том, что лишение г-на Билаша свободы носило произвольный характер и подпадало под категорию II, Рабочая группа хотела бы подчеркнуть, что г-н Билаш не должен был быть арестован и содержаться под домашним арестом и что с г-ном Билашем не должно было быть заключено соглашение о признании вины. Однако г-н Билаш был арестован и содержался под домашним арестом, и с ним было заключено соглашение о признании вины.

80. Источник утверждает, что правительство отказало г-ну Билашу в ряде его прав на надлежащее судебное разбирательство, поскольку он был лишен права на адвоката по своему выбору и возможности общаться со своим адвокатом, а также подвергался угрозам причинения вреда в целях принуждения к даче показаний. Рабочая группа по очереди рассмотрит все утверждения источника.

81. Источник утверждает, что правительство не представило достаточных доказательств для обоснования помещения г-на Билаша под домашний арест до того, как он будет осужден за какое-либо преступление. Правительство в своем ответе заявило, что г-н Билаш был помещен под домашний арест ввиду серьезности его правонарушения и для недопущения дальнейших правонарушений.

82. Источник заявил, что сотрудники государственных органов неоднократно допрашивали г-на Билаша в период его досудебного содержания под стражей в отсутствие его адвоката, оказывали на него давление, с тем чтобы он отказался от своего адвоката, и не давали ему возможности проконсультироваться со своим адвокатом перед подписанием соглашения о признании вины.

83. В своем ответе правительство заявило, что г-н Билаш поменял адвоката по собственной воле, без принуждения. Правительство не стало каким-либо образом опровергать утверждения источника.

²⁶ См., например, мнение № 26/2000, п. 11.

84. Рабочая группа считает, что власти не обеспечили соблюдение права г-на Билаша на юридическую помощь, которое неотделимо от права на свободу и личную неприкосновенность и от права на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Г-на Билаша неоднократно допрашивали в отсутствие его адвоката. Он был лишен также права на помощь адвоката на критической стадии уголовного процесса, когда власти, как утверждается, принудили его подписать соглашение о признании вины. Рабочая группа напоминает, что в соответствии с Основными принципами и Руководящими положениями Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, лишенные свободы лица имеют право на юридическую помощь выбранного ими адвоката в течение всего периода их содержания под стражей, в том числе сразу же после их взятия под стражу. Таким образом, Рабочая группа констатирует нарушение пунктов 3 b) и 3 d) статьи 14 Пакта и пунктов 1 и 3 принципа 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

85. Рабочая группа обеспокоена также утверждениями о преследовании адвоката г-на Билаша, которые не были оспорены правительством. Рабочая группа считает, что это является серьезным вмешательством в право на правовую помощь, которое нарушает пункт 3 b) статьи 14 Пакта²⁷. Законной и позитивной обязанностью государства являются защита каждого находящегося на его территории или под его юрисдикцией лица от любых нарушений прав человека и предоставление средств правовой защиты во всех случаях, когда совершается какое-либо нарушение. Рабочая группа особо напоминает, что в соответствии с Основными принципами и Руководящими положениями Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, адвокат должен иметь возможность эффективно и независимо выполнять свои функции, не опасаясь репрессий, вмешательства, запугивания, препятствий или притеснений²⁸.

86. В соответствии с пунктом 33 а) своих методов работы Рабочая группа передает настоящее дело на рассмотрение Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов.

87. Источник утверждает, а правительство не оспаривает, что во время содержания г-на Билаша под стражей правительство неоднократно угрожало ему причинением вреда как ему самому, так и его семье, с тем чтобы заставить его прекратить свою общественно-пропагандистскую деятельность, уволить своего адвоката и подписать несколько документов, некоторые из которых не содержали текста. Источник сообщил также, что г-на Билаша принудили к подписанию соглашения о признании вины.

88. По мнению Рабочей группы, неоднократные угрозы причинения вреда, описанные источником, как представляется, являются *prima facie* нарушением абсолютного запрета на жестокое обращение и пытки²⁹, который является императивной нормой международного права и Конвенции против пыток. Рабочая группа отмечает, что угроза причинения вреда семье является одним из методов пыток, перечисленных в пункте 145 Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол). Таким образом, Рабочая группа напоминает властям Казахстана об их обязательствах, закрепленных в статье 5 Всеобщей декларации прав человека и статьях 7 и 10 Пакта.

89. Что касается обстоятельств, приведших к заключению соглашения о признании вины, то правительство решило не опровергать утверждение источника о том, что: а) ранним вечером 16 августа 2019 года г-н Билаш сообщил своему адвокату о своем намерении отказаться от подписания соглашения о признании вины; б) г-на Билаша

²⁷ Мнения № 70/2017 и 29/2017.

²⁸ См. принцип 9. См. также, например, мнения № 66/2019, 29/2017 и 14/2017.

²⁹ См., например, мнение № 93/2017, п. 57.

лишили контакта с его адвокатом, а советник президента оказал на него давление, с тем чтобы он пошел на подписание соглашения о признании вины, угрожая ему в противном случае тюремным заключением на максимальный, семилетний срок в соответствии со статьей 174 Уголовного кодекса; с) адвокату г-на Билаша сначала было сказано, что г-на Билаша нет в здании суда, а затем, когда она стала настаивать на встрече со своим клиентом, ее прогнали из здания суда; d) когда адвокату г-на Билаша было разрешено увидеться с ее клиентом, он выглядел подавленным, был бледен и у него дрожали руки; и e) суд отклонил просьбу адвоката г-на Билаша об отсрочке слушания и ее просьбу о предоставлении ей времени на конфиденциальную беседу со своим клиентом для определения того, изменил ли он свое решение о заключении соглашения.

90. Рабочая группа напоминает правительству, что принуждение к даче признательных показаний является нарушением пункта 3 g) статьи 14 Пакта. Как Комитет по правам человека отмечает в замечании общего порядка № 32 (2007)³⁰, обязанность доказывания того, что показания обвиняемых были даны ими по их собственной доброй воле, ложится на государства. Правительство не доказало, что г-н Билаш поставил подпись под соглашением о признании вины по собственной воле.

91. По мнению Рабочей группы, источник установил, что г-н Билаш пошел на подписание соглашения о признании вины под принуждением и что был нарушен пункт 3 g) статьи 14 Пакта. Из этого следует, что г-н Билаш не должен был подпадать под условия соглашения о признании вины, включая его последующее содержание под домашним арестом.

92. Рабочая группа считает, что нарушения права г-на Билаша на справедливое судебное разбирательство являются настолько серьезными, что придают лишению его свободы произвольный характер. Таким образом, лишение его свободы подпадает под категорию III.

Решение

93. В свете вышеизложенного Рабочая группа выносит следующее мнение:

Лишение свободы Серикжана Билаша носит произвольный характер, поскольку оно противоречит статьям 3, 9, 11, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьям 9, 10, 14, 15, 19, 21 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах и подпадает под категории I, II и III.

94. Рабочая группа просит правительство Казахстана безотлагательно принять необходимые меры для исправления положения г-на Билаша и приведения его в соответствие с действующими в данной области международными нормами, включая нормы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах.

95. Рабочая группа считает, что с учетом всех обстоятельств дела надлежащим средством правовой защиты было бы безоговорочное аннулирование соглашения о признании вины г-на Билаша без сохранения за правительством права предъявления иска по тому же основанию, с тем чтобы он более не был связан предусмотренными в нем запретами и не подвергался риску повторного судебного преследования в связи с обвинениями, предъявленными по данному делу, и предоставить ему право на компенсацию и другие виды возмещения ущерба в соответствии с международным правом.

96. Рабочая группа настоятельно призывает правительство обеспечить полное и независимое расследование обстоятельств произвольного лишения г-на Билаша свободы и принять соответствующие меры в отношении лиц, ответственных за нарушение его прав.

97. Рабочая группа настоятельно призывает правительство привести свои законы, в частности статью 174 Уголовного кодекса, в соответствие с рекомендациями,

³⁰ См. п. 41.

вынесенными в настоящем мнении, и обязательствами, взятыми на себя Казахстаном согласно международному праву прав человека.

98. В соответствии с пунктом 33 а) своих методов работы Рабочая группа передает настоящее дело на рассмотрение Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов и Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение.

99. Рабочая группа просит правительство распространить настоящее мнение с использованием всех имеющихся средств и на возможно более широкой основе.

Процедура последующей деятельности

100. В соответствии с пунктом 20 своих методов работы Рабочая группа просит источник и правительство представить ей информацию о последующей деятельности по реализации рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, и в том числе указать:

а) был ли г-н Билаш безоговорочно освобожден от условий соглашения о признании вины без сохранения за правительством права предъявления иска по тому же основанию и если да, то когда именно;

б) были ли предоставлены г-ну Билашу компенсация или возмещение ущерба в иной форме;

в) проводилось ли расследование в связи с нарушением прав г-на Билаша и если да, то каковы результаты такого расследования;

г) были ли в соответствии с настоящим мнением приняты какие-либо законодательные поправки или изменения в практике для приведения законодательства и практики Казахстана в соответствие с его международными обязательствами;

д) были ли приняты какие-либо другие меры с целью осуществления настоящего мнения.

101. Правительству предлагается проинформировать Рабочую группу о любых трудностях, с которыми оно столкнулось при осуществлении рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, а также сообщить, нуждается ли оно в дополнительной технической помощи, например в виде посещения Рабочей группой.

102. Рабочая группа просит источник и правительство предоставить вышеуказанную информацию в течение шести месяцев с даты препровождения настоящего мнения. Вместе с тем Рабочая группа оставляет за собой право осуществлять свои собственные последующие действия, если до ее сведения будет доведена новая, вызывающая тревогу информация об этом деле. Такие действия позволят Рабочей группе информировать Совет по правам человека о прогрессе, достигнутом в осуществлении его рекомендаций, а также о любом непринятии мер.

103. Рабочая группа напоминает, что Совет по правам человека призвал все государства сотрудничать с Рабочей группой, учитывать ее мнения и при необходимости принимать надлежащие меры для исправления положения произвольно лишенных свободы лиц и информировать Рабочую группу о принятых ими мерах³¹.

[Принято 25 августа 2020 года]

³¹ Резолюция 42/22 Совета по правам человека, пп. 3 и 7.

Annex I

Individual opinion of Working Group member Elina Steinerte (partially dissenting)

1. The majority of the Working Group in this Opinion concludes that the detention of Mr. Bilash is arbitrary under category I, *inter alia*, because of the vague provision contained in Article 174 of the Kazakh Criminal Law (see paras. 65–69 of the Opinion). This is the first time in the entirety of the Working Group’s mandate that the Working Group engaged in the examination of Article 174 of the Kazakh Criminal Code and the majority concluded that the said provision is overly broad and lacks the requisite degree of legal certainty. In other words, the majority of the Working Group determined that Article 174 of the Kazakh Criminal Law could not be invoked as a legal basis justifying the detention of Mr. Bilash. However, in making this determination, the majority of the Working Group chose to depart from the well-established jurisprudence of the Working Group without providing any explanation for doing so and I am unable to support such a departure.

2. In instances when faced, for the first time, with allegations of overly broad legal provisions invoked to justify deprivation of liberty, it is the established practice of the Working Group to examine these provisions and allude to the State concerned of the need to re-examine these in the light of the absolute prohibition of arbitrary detention. By doing this, the Working Group avails the State concerned with the possibility of bringing its national legalisation in compliance with the absolute prohibition of arbitrary deprivation of liberty. This is evident, for example, in Opinions No. 64/2020, para. 38; No. 37/2020 paras. 60–61; 16/2020, paras. 64–72; 8/2020, paras. 66–68; No. 36/2018, para. 51; No. 35/2018, para. 36; 41/2017, paras. 98–101.¹

3. In all these Opinions, faced with allegations of vague legal provisions for the first time, the Working Group analyses them and alludes the State concerned of the problem areas. The vague language of the provisions is considered as a factor contributing to the finding of arbitrary detention, but the Working Group does not establish that these legal provisions *per se* caused the occurrence of arbitrary deprivation of liberty. This is entirely appropriate as it is to be recalled that a finding of arbitrary detention under category I of the Working Group entails detention without legal basis. Therefore, declaring that a legal provision duly adopted by the national legislator cannot be invoked as legal basis justifying detention is very far-reaching and grave.

4. This is contrasted with instances when the Working Group is asked to *return* to the examination of legal provisions which it has already noted as vague and overly broad previously. In such cases, making clear reference to its previous jurisprudence which highlighted the issue with the legal provision at hand, the Working Group determines that the said provision(s) *per se* caused the arbitrary detention. This is evident, for example, in Opinions No. 36/2020 at para. 54; No. 45/2019, para. 54; No. 9/2019, para. 39; 62/2018, paras. 57–59; No. 46/2018, para. 62; 22/2018, paras. 52–54. In all these Opinions the Working Group makes a clear reference to its previous jurisprudence concerning the legal provision(s) at hand and noting absence of progress in addressing the issues raised earlier, makes a finding of arbitrary deprivation of liberty, *inter alia*, on the basis of vague and overly broad legal provisions under category I.

5. In the present case, the majority of the Working Group, having no previous engagement with Article 174 of the Kazakh Criminal Code, declared the provision to be vague and overly broad, leading to finding under category I. In doing so, the majority relied entirely on the examination of this provision carried out by the Human Rights Committee in its 2016 Concluding Observations on Kazakhstan and the 2019 visit report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. The majority of the Working Group provided no explanation for

¹ It should be noted that Opinions 64/2020 and 37/2020 was adopted during the very same session as the present Opinion.

taking such an approach in this case and I am unable to support it. Not only this departure contravenes the very principle of legality that the majority is seeking to uphold by creating inconsistencies in the Working Group's jurisprudence. Such an approach may also have a chilling effect on the willingness of the States to engage constructively with the Special Procedures of the Human Rights Council. In the present case, a report by another UN Special Procedure mandate has served as a basis for the findings made by the majority of the Working Group. Although that report analyses the same provisions that the Working Group was required to analyse, it does so from the perspective of a different mandate and not from the point of view of prohibition of arbitrary deprivation of liberty. While it is not unusual for the Working Group to refer to the findings of treaty bodies and other Special Procedures' mandates, it has never based its findings under category I entirely on the assessment of such other bodies.²

6. Consequently, I respectfully submit that the concerns over the broad and vague formulation of Article 174 of the Kazakh Criminal Code in this case should have been considered by the Working Group as an element under category II.

² The approach of the Working Group in this case can be contrasted with its approach in Opinion 8/2020 at para. 67 where the Working Group while making its own analysis under category II also notes the views of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief on the same legal provision.

Annex II

Individual opinion of Working Group member Sètonджи Roland Adjovi (partially dissenting)

1. The majority of the Working Group did not retain category V in the present case. I would like to express here my disagreement with such a position.
2. The principle of this category of arbitrary detention is that the situation submitted to the Working Group would stem from a logic of discrimination in violation of the law. In the present case, however, the discrimination appears to me to be established by the circumstances.
3. The authorities did not appreciate the activism of Mr. Bilash and that is why his organization was never registered although he submitted a renewed application to that effect. This is a first sign of unjustified differentiated treatment.
4. As a result of harassment by unidentified individuals, and fearing for his safety, Mr. Bilash did not return home but took a room at the hotel. It was there that state agents attempted to enter his room with a key allegedly provided by the hotel. The security chain did not allow them to enter. While Mr. Bilash was talking to see their warrant, the agents broke down the door, injuring him as he started to bleed. This is another degree of differentiated treatment.
5. The detention was the continuation of these two situations where it seems to me that discrimination is established. For this reason, I also conclude that the detention in this case is arbitrary under category V as defined by the methods of work.
6. Furthermore, I fully associate myself with the partially dissenting opinion of my colleague, Steinerte Elina. It should be noted that, in the present case, the Working Group was composed of only four members, the fifth member having not participated in the session, and that the rules of procedure do not give a casting vote to the presiding member.
